

Институциональный анализ российской избирательной системы

Шалашова О. Н.

Территориальная избирательная комиссия № 3, Санкт-Петербург, Российская Федерация; 9520530@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — институциональный анализ факторов, препятствующих институционализации выборов в современной России. *Теоретическую базу* исследования составили бихевиоризм, рассматриваемый в контексте выборов, и теория формальных и неформальных институтов. Логическая рамка анализа избирательной системы Российской Федерации была сформирована на основе указанных теорий. Теории бихевиоризма, формальных и неформальных институтов позволяют разделить выборы на составляющие, что вместе с анализом изменений в избирательном законодательстве и изучением действий органов государственной власти решает ключевой исследовательский вопрос данной работы. На основе теоретического анализа сделан ряд *выводов* об избирательной системе в Российской Федерации в качестве института политической жизни общества. В частности, были выделены факторы, препятствующие превращению выборов в ключевой драйвер обновления демократического уклада современного государства. К ним относятся: существующий в обществе социальный конформизм относительно избирательного процесса; рассмотрение выборов скорее как способа борьбы между конкурирующими политическими акторами и партиями, нежели как демократического механизма по волеизъявлению интересов народа; относительно частое изменение законодательства, регулирующего выборы, особенно, когда эти преобразования не сопровождаются дополнительными мерами, которые направлены на донесение мотивов действий правительства до граждан; манипулирование выборами, возможное благодаря толерантности к фальсификациям и неравному доступу кандидатов и партий, со взглядами, отличающимися от тех, которых придерживаются правящие элиты; предрасположение к неформальным институтам в стране, которое косвенным образом легитимизирует наличие «подрывных» институтов внутри формального института выборов, что и препятствует его развитию; практики голосования в результате влияния личных качеств инкумбента, а не исходя из политических интересов или демократических принципов. В статье показывается, что указанные факторы повышают тенденции к абсентизму, укрепляют роль инкумбента, но снижают институциональный потенциал выборов.

Ключевые слова: избирательный процесс, институциональный анализ, формальные и неформальные институты, выборная система в России

Для цитирования: Шалашова О. Н. Институциональный анализ российской избирательной системы // Управленческое консультирование. 2020. № 3. С. 99–109.

Institutional Analysis of the Russian Electoral System

Olga N. Shalashova

Territorial election commission N 3, Saint-Petersburg, Russian Federation; 9520530@mail.ru

ABSTRACT

The *purpose* of this article is an institutional analysis of the factors that hinder the institutionalization of elections in contemporary Russia. Theoretical basis of the study are the behaviorism theory considered in the context of elections, as well as the theory of formal and informal institutions. The *framework for the analysis* of the electoral system of the Russian Federation was formed on the basis of these theories. The theories of behaviorism and formal and informal institutions make it possible to divide elections into constituents, which together with the analysis of changes in electoral legislation and the study of the actions of government agencies solves the key research issue of this paper. On the basis of theoretical analysis, a number of conclusions were drawn about the

electoral system in the Russian Federation as an institution of political life. In particular, the factors preventing the development of elections as one of the fundamental components of the democratic way of life in the state were highlighted. These include: the existing social conformism in society regarding the electoral process; considering elections as a way of fighting between competing political actors and parties rather than as a democratic mechanism to express the interests of the people; relatively frequent changes in the legislation governing elections, especially when these changes are not accompanied by additional measures aimed at conveying the motives of government actions to citizens; manipulation of elections, which is possible thanks to the fact that they are not accompanied by additional measures. The study shows that these factors increase the tendencies to absenteeism, strengthen the role of incubator, but reduce the institutional capacity of elections.

Keywords: electoral process, institutional analysis, formal and informal institutions, electoral system in Russia

For citing: Shalashova O. N. Institutional Analysis of the Russian Electoral System // Administrative consulting. 2020. N 3. P. 99–109.

Введение

По сложившейся в политологии традиции выборы принято рассматривать в качестве одной из основополагающих составляющих демократического уклада в государстве, и в большинстве демократических государств выборы установились как один из важнейших институтов политической жизни общества [13]. Развитие и функционирование данного института было подвержено влиянию множества внешних и внутренних факторов экономического, политического и социального характера. Зачастую в результате подобного влияния процесс институционализации выборов в государстве сталкивался со множеством затруднений, а в определенные периоды мог вовсе пребывать в состоянии стагнации. Тем не менее в развитых странах, где институционализация выборов представляла собой долгий и последовательный процесс, сегодня мы можем наблюдать четкие маркеры «налаженности» избирательного процесса, включая высокий уровень доверия данному институту со стороны гражданского общества, что в том числе отражается на высокой посещаемости выборов и относительно честной конкуренции кандидатов [14; 21].

Однако в XXI в. нередки прецеденты, когда выборы могут служить определенной платформой для идеологических интеракций правительственных систем, деятельности противоборствующих политических субъектов, например, партий, политических элит, независимых политиков. Если же рассматривать избирательный процесс шире, то выборный процесс становится пространством взаимодействия и различных некоммерческих организаций, средств массовой информации и представителей бизнес-лобби. Анализ тех государств, в которых действует именно такой, пограничный, режим, представляет сегодня особый интерес для политической науки [22]. К таким государствам относится и Россия, различные аспекты выборной системы которой уже освещены в исследовательских работах [11; 14; 19; 22]. Тем не менее, вопросы идентификации факторов, которые препятствуют институционализации выборов в Российской Федерации, требуют дополнительного изучения. Этой проблеме и посвящена данная статья. Используя институциональный анализ избирательной системы современной России, мы определим те факторы, которые оказывают значительное влияние на формирование выборов в качестве института в политической жизни страны [18; 14].

Теоретические основы

Одной из наиболее разработанных и в то же время перспективных теорий, описывающих основы избирательного процесса и выборов в целом, является теория формальных и неформальных институтов. Среди исследователей, использующих

данную теорию для описания политических и избирательных систем, можно выделить Г. Хелмке, С. Левицки, А.П. Заостровцева, В.Я. Гельмана. В их работах доказывается, что выборы разных уровней обладают уникальными характеристиками, которые способны оказать влияние на процесс институционализации, и эти уровни необходимо рассматривать по отдельности, формируя в результате такого анализа универсальные выводы о логике функционирования институтов [1; 2; 5; 20]. Другой сильной стороной этих теорий является то, что в отличие от большинства теорий выборов, которые предполагают, что избиратели и политические деятели полностью рациональны [16, с. 74], данные концепции учитывают роль индивида в политических процессах. Хотя теории, основанные на представлениях о рациональности, служат основой для множества политических, экономических и других междисциплинарных исследований, они также порождают некоторые «аномалии», наиболее известные из которых касаются, например, явки избирателей. Иначе говоря, не все аспекты избирательного процесса в полной мере отвечают постулатам рационализма.

Поскольку институциональный анализ предполагает разделение крупных систем на составляющие, то в системе также имеет значение. Именно поэтому при институциональном анализе избирательной системы особое значение приобретает бихевиористская теория выборов. В середине XX в. исследователями Чикагской школы была разработана теория бихевиоризма, которая в скором времени нашла применение и в политической жизни. Теория «ограниченной рациональности», которая активно развивается в рамках пост-бихевиоризма, предполагает обучение методом проб и ошибок. Действия, которые привели к результату, превосходящему стремления некоего политического актора, с большей вероятностью будут использоваться в будущем, в то время как те, которые не позволили ему достичь цели, позднее будут применяться реже. Основываясь на этой идее адаптации, сегодня создаются модели партийной конкуренции, явки избирателей и выбора кандидатов избирателями. Эти модели способны достоверно предсказывать уровни явки избирателей, сортировку избирателей по партиям и победы партий, занимающих позднее центристские платформы. На многопартийных выборах избиратели могут координировать выбор голосов по большinstву предпочтительных кандидатов, в то время как все кандидаты получают значительные доли голосов. Теоретические предположения и результаты, достигнутые посредством анализа, в значительной степени согласуются с реальными статистическими данными о выборах.

Теория бихевиоризма объясняет и избирательное поведение граждан. Так, например, существует теория авторитарного типа личности, согласно которой определенный тип людей склонен делать выбор, руководствуясь не столько рациональными характеристиками кандидатов, сколько близостью его принципов к своим собственным [3, с. 70]. При анализе процесса становления демократических институтов в государствах с авторитарным или «гибридным» типом управления важно учитывать и поведенческую составляющую, так как от того, как формальный институт воспринимается гражданами, и зависит его дальнейший путь развития.

Таким образом, бихевиористская теория с ее акцентом на поведенческой составляющей является значимой теоретической рамкой, применяемой при анализе выборной системы государства. Ее использование институционалистами привело к развитию теории, которая гласит, что существуют формальные институты, которые, как правило, закреплены на законодательном уровне, их работа строго регламентирована и обладает рядом четко сформулированных общественно значимых функций, невыполнение которых субъектами в рамках данного института может повлечь за собой определенные санкции. Существование же неформальных институтов в контексте политической жизни и избирательного процесса в частности возможно исключительно благодаря тому, что между гражданами, партиями, эли-

тами и иными субъектами политики возникают не установленные законом взаимодействия.

Среди современных исследователей нет единой точки зрения относительно того, в рамках каких институтов возникают наиболее устойчивые и эффективные отношения между субъектами. Ситуация и ее конкретное наполнение варьируются в зависимости от множества факторов, например: политического строя, уровня прозрачности государственных органов, социальных факторов и даже исторических предпосылок [18, с. 734]. Не существует также одной позиции относительно позитивных и негативных эффектов (outcomes) от наличия в политической жизни государства устоявшихся неформальных институтов. До недавнего времени было принято полагать, что формальные и неформальные институты не могут эффективно сосуществовать в одной системе, они рассматривались в качестве конкурирующих между собой институтов. Тем не менее исследователями Г. Хелмке и С. Левицки была выдвинута гипотеза о том, с точки зрения политической жизни эти два типа институтов не только могут сосуществовать, но их сочетание способно усиливать как позитивный, так и негативный для общества эффект [21, с. 168]. Так, если формальные институты в государстве обладают низкой эффективностью, то на определенном этапе развития они начинают сосуществовать с неформальными институтами, интересы расходятся с первыми. Именно в данном случае будет иметь место конкурирование институтов. Подобное конкурирование в зависимости от устоявшихся норм поведения на государственном уровне может иметь различный исход, в том числе и неблагоприятный для формальных институтов [2, с. 19].

В.Я. Гельманом был введен термин «подрывных» неформальных институтов. Данный термин применим к ситуации, при которой в политической системе государства присутствуют как формальные, так и неформальные институты, однако провести подобное разделение представляется затруднительным, так как одни (неформальные) сумели стать частью других (формальных) [2, с. 10]. Подобное явление не всегда должно рассматриваться в качестве негативного. Для того чтобы оценить его роль для развития политической системы, нужно понять причину возникновения неформальных институтов внутри формальных, а также проанализировать степень их устойчивости. Гельман использует прецеденты из избирательного процесса в России для иллюстрации актуальности данной теории в контексте институционализации выборов. Им же была введена специфическая формула институционального строительства: для того, чтобы в обществе мог быть сформирован или «построен» новый институт или скорректирован уже существующий, интересы акторов политического процесса должны быть совмещены с наиболее полной информацией о последствиях от существования институтов в их текущем состоянии. В свою очередь, эта информация должна «вычитаться» из существующей идеологии. Таким образом, институциональное преобразование в обществе — это «сумма» интересов акторов, прибавленная к «разности» идеологии и информации. А.П. Заостровцев также указывает на высокую степень влияния неформальных институтов на избирательный процесс и, в частности, на фальсификации на выборах [5, с. 180]. Так, высокий уровень толерантности по отношению к фальсификациям со стороны гражданского общества может свидетельствовать о том, что столкновение формальных и неформальных институтов в рамках выборов закончилось в пользу последних.

Итак, согласно современным подходам к анализу выборного процесса в рамках институционального анализа, необходимо изучение как формальных, так и неформальных его составляющих. В связи с этим дальнейший анализ избирательной системы Российской Федерации сформирован с учетом рассмотренных научных теорий. Именно теории бихевиоризма и неформальных институтов позволяют разделить выборы на составляющие, что вместе с анализом изменений в избирательном зако-

нодательстве и изучением действий органов государственной власти позволит решить ключевой исследовательский вопрос данной работы — идентифицировать факторы, препятствующие институционализации выборов в Российской Федерации. Опираясь на логику институциональной теории и бихевиоризма, проанализируем изменения в избирательном законодательстве Российской Федерации, на которые будут накладываться положения из указанных теорий (рис.).

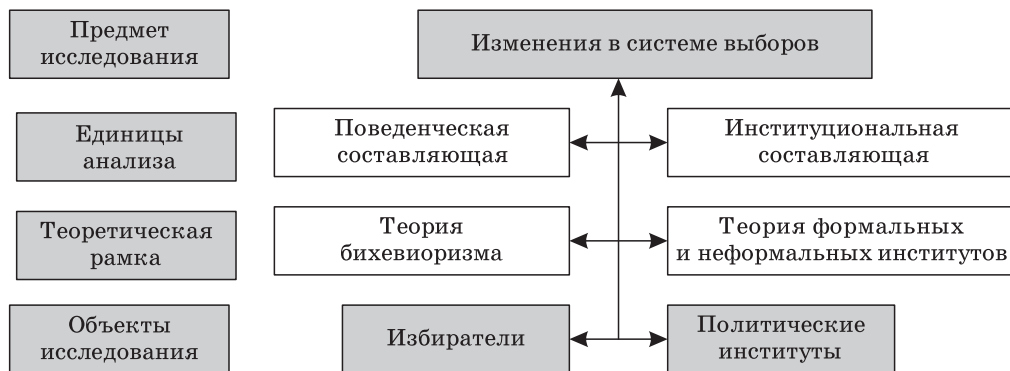

Рис. Схема институционального анализа российской избирательной системы
Fig. Scheme of institutional analysis of the Russian electoral system

Анализ избирательной системы РФ

Следуя сформированной логике исследования, теория бихевиоризма будет использоваться нами применительно к анализу восприятия изменений гражданами, а также к самим политическим институтам, которых касаются изменения в системе выборов. Теория неформальных институтов также использована в анализе, так как именно личностные характеристики политических акторов и самих избирателей способны сподвигнуть их ко вступлению в отношения в рамках подобных институтов. Анализ, сформированный под влиянием указанных теорий и с разделением на уровни выборов, дает возможность сформировать глубокое представление об институте выборов в России, что в итоге позволит определить факторы, препятствующие его институционализации.

Первые выборы, реализованные в демократической традиции, состоялись в России в 1993 г. Именно с этого периода выборы в постсоветской России начали представлять интерес для исследователей, занимающихся проблемами институционализма. Чаще всего в 1993 г. выборы рассматривались как способ выбора между личностями лидеров или как механизм, используемый теми же лидерами для манипуляции волеизъявления людей. Этот более циничный взгляд на выборы чаще всего поддерживался гражданами, недовольными правительством и его результатами (особенно в экономической сфере) [17, с. 457]. Эти данные показывают, что диффузная поддержка избирательных институтов развита слабо. Хотя уровень неудовлетворенности избирательным процессом не так очевиден, отношение общественности к нему все еще не демонстрирует решительного одобрения существующих избирательных институтов [24, с. 370]. Помимо этого важно отметить следующее: эмпирически доказано, что как при демократии, так и при авторитарном режиме явка на выборы повышается при наличии их прозрачности. Так, несмотря на то что при авторитарном режиме, в отличие от демократии, политическая элита не заин-

тересована в полной имплементации прозрачных процедур в рамках избирательно-го процесса, сам факт демонстрации честных выборов представляется крайне важным [7, с. 123].

Поскольку выборы принято считать формальным институтом, то это предполагает закрепление всех связанных с ними процедур в официальном нормативно-правовом акте. В 2003 г. был ратифицирован Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации», в котором закреплены все требования к кандидату на эту должность, сроки и особенности проведения всех мероприятий, связанных с выборами¹. Тем не менее, с исследовательской точки зрения, наиболее интересным представляется анализ неформальной составляющей в выборах Президента Российской Федерации, а также их восприятие гражданами, электоратом, экспертным и академическим сообществом.

В 1996 г. Б.Н. Ельцин осуществил одно из самых драматических политических восстановлений, зафиксированных в литературе по поведению избирателей, поскольку он был переизбран президентом Российской Федерации. Данный результат может часто интерпретироваться в исследовательской литературе как массовое неприятие советской системы и торжество демократических ценностей [21, с. 180]. Хотя нехватка сопоставимых данных до и после выборов не позволяет окончательно отвергнуть эту гипотезу, имеющиеся данные ставят эту интерпретацию под сомнение. Так, начиная с 1996 г. явка на президентские выборы имела тенденцию к снижению, не считая 2008 г., когда наблюдался небольшой рост данного показателя [15, с. 27]. Следовательно, президентские выборы по сути своей не предусматривают выражение политических интересов граждан в полной мере. В отличие от парламентских выборов, где предоставляется большая степень свободы, на выборах главы государства избиратели скорее обращаются к различным оценкам (к оценке шансов кандидатов, к оценке партийной составляющей, личных качеств и так далее). Так, при авторитарном режиме или даже «гибридном», именно президентские выборы приобретают особое значение, что обуславливает присутствие различного рода манипуляций, которые в большинстве случаев находят отражение в снижении роли формальных институтов, например таких, как выборы.

У выборов главы государства и глав субъектов Российской Федерации есть сходные черты, однако и здесь существуют определенные уникальные характеристики. Так, например, отмечается, что в подавляющем большинстве российских регионов нет равных условий для выборов. Массовые протесты после выборов в декабре 2011 г. побудили власти принять меры по укреплению легитимности режима [25, с. 5]. В 2012 г. был принят новый закон, который вновь ввел прямые выборы губернаторов регионов. До этого, а именно с 2005 по 2012 гг., президенту было предоставлено право назначать губернаторов при условии одобрения региональными законодательными органами. Однако закон, принятый в мае 2012 г., установил новую процедуру регистрации кандидатов. Чтобы зарегистрироваться для участия в выборах губернатора, кандидаты должны сначала пройти «муниципальный фильтр», получая поддержку определенного процента депутатов и глав муниципалитетов в своих регионах. Обязательный процент варьируется от региона к региону, от 5 до 10%, и кандидаты также должны получить «территориальную квоту», т. е. поддержку от депутатов, которые занимают муниципальные места в составе советов, принадлежащих к разным уровням административной юрисдикции. В связи с этим, процесс регистрации избирателей все еще далек от свободного и справедливого как для выборов в представительные органы власти, так и для выборов губернаторов. Альтернативные политические партии зачастую вытесняют-

¹ Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 № 19-ФЗ / «Российская газета». № 6. 16.01.2003.

ся из региональных выборов из-за незначительных нарушений в их регистрационных документах, проблем с проверкой их регистрационных подписей и/или избирательных вкладов и из-за мелких ошибок в их документации. Как отмечает исследователь данной проблематики Х. Бэккен, санкции за подобные нарушения на выборах весьма распространены и в других странах, но в большинстве случаев налагается штраф. В России «принцип пропорционального наказания, по-видимому, игнорируется», здесь «незначительные нарушения могут привести к тому, что кандидаты лишатся своего конституционного права участвовать в выборах» [20, с. 65].

Государственная Дума является представительным органом власти, следовательно, принцип волеизъявления народа через выборы в нем должен соблюдаться в первую очередь. Сегодня среди ученых существуют различные точки зрения относительно того, какая система должна применяться в странах с молодым парламентаризмом, однако большинство склоняется к смешанному типу [4, с. 101; 6, с. 10]. Во-первых, мажоритарно-пропорциональный тип выборов представляет собой сбалансированную систему, благодаря которой со временем могут быть определены слабые стороны избирательного процесса в стране и, как следствие, осуществлены трансформации избирательной системы [6, с. 12]. Во-вторых, смешанная система должна способствовать развитию многопартийности. Так, в Российской Федерации с 1993 по 2003 г. как раз действовала мажоритарно-пропорциональная система вплоть до 2007 г., когда система выборов в Государственную Думу сменилась на исключительно пропорциональную. Несмотря на то, что в 2014 г. было осуществлено возвращение к смешанной системе, процентный порог был повышен, что снижает значимость фактора развития многопартийности, а относительно частые преобразования на законодательном уровне, как отмечалось ранее, препятствуют институционализации выборов [11, с. 1]. Вместе с тем можно наблюдать низкий уровень доверия со стороны граждан к парламенту в целом, что в сочетании с эффектом толерантности к фальсификациям становится серьезным препятствием с точки зрения институционализации [12, с. 22]. В то же время официальные экспертные оценки, которые применяются для анализа выборов, не всегда являются точными и эмпирически обоснованными [4, с. 101].

Рассмотренные уровни выборов являются частью единой системы органов государственной власти. Муниципальный уровень в эту систему не входит, однако их принято считать наиболее прямой формой волеизъявления интересов людей. Тем не менее, и в муниципальных выборах можно выявить определенные факторы, препятствующие их становлению в качестве полноценного института. Несмотря на то, что в Российской Федерации действует закон, регулирующий избирательный процесс на данном уровне, сама процедура муниципальных выборов регулируется местным законодательством. Это сделано с целью учесть особенности регионов страны¹. Таким образом, фактор отсутствия единого для всех законодательства в определенном смысле может отрицательно сказаться на институционализации выборов в масштабах страны. Помимо этого, факт полной отмены мажоритарной системы выборов в органы местного самоуправления снизил представительность, но увеличил их политизированность [10, с. 25]. Согласно теории неформальных институтов, данное явление может быть охарактеризовано в качестве «подрывного» института.

Проанализировав существующие уровни выборов в избирательной системе Российской Федерации с точки зрения теории бихевиоризма и неформальных институтов, далее мы сделаем выводы о том, что является препятствием для институционализации. Выявленные проблемы на пути к институционализации выборов преимущественно связаны с высоким уровнем толерантности граждан к фальси-

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

фикациям, работой «подрывных» институтов и взаимосвязанности поведенческих особенностей участников избирательного процесса и распространенностью неформальных институтов.

Обсуждение и выводы

С учетом теоретической базы данной работы, которая включает теорию о неформальных институтах, которые характеризуются как «подрывные», действия властей в условиях авторитарного режима по демонстрации прозрачности выборов могут рассматриваться как пример подобных институтов. При этом эффект на процесс институционализации выборов от существования «подрывных» институтов не в полной мере поддается оценке [3, с. 84]. Вместе с тем на выборах в авторитарных государствах зачастую предпринимаются попытки легитимизировать власть путем применения более строгих критериев отбора к оппозиционным кандидатам, что и представляет собой пример злоупотребления формальными институтами [14, с. 53].

Слишком частая смена законодательства, регулирующего избирательный процесс, которая имела место в России как на президентских, так и на парламентских выборах, в стране с молодой демократией, является существенным препятствием для институционализации, а вовлеченность граждан в процесс выборов будет только возрастать, если процедуры будут прозрачными и понятными [14, с. 24]. В связи с этим необходимо понимать, что в странах с давно устоявшимся институтом демократии определенные перенимаемые правовые нормы будут восприниматься иначе, что говорит о необходимости их адаптации к социокультурным и экономическим условиям [22, с. 10]. В странах с молодой демократией отмечается тот факт, что именно выборами проще всего манипулировать в условиях институциональной нестабильности, т.е. на этапе выбора оптимальной системы выборов [25, с. 78]. Попытки манипулирования выборами часто осуществляются в обстоятельствах, при которых действующая власть выиграла бы выборы, не прибегая к мошенничеству, как об этом свидетельствуют доклады Генеральной Ассамблеи ООН и таких организаций, как Transparency International¹. Более того, многие акты манипуляции не скрываются от общественности. Данный эффект накладывается на восприимчивость неформальных институтов обществом и высоким уровнем толерантности к непрозрачности выборов.

Некоторые ученые полагают, что спустя почти тридцать лет многие из элементов, которые присутствовали в России во время распада Советского Союза в 1991 г., остаются. К ним относят недостаточную диверсификацию экономики, зависимость от доходов бюджета от экспортно-ориентированной ресурсной экономики и отсутствие политической институционализации системы [25, с. 300; 26, с. 303]. Все это и, возможно, даже изменяющееся российское общество угрожают развитию выборов как демократического института. В конечном счете российская политическая система спустя столетие после распада Российской империи снова находится в жесткой зависимости от высшего должностного лица страны, возглавляющего систему государственного управления, и его способности адаптировать сложившиеся институты к задачам развития. Как заключает исследователь международной политики Т. Дж. Колтон, «только время покажет, станет ли эта система „рецептом“ стагнации, не исключайте возможность для эволюционного перейти к более открытому и отзывчивому государству и также не исключайте вероятность вхождения в бесперспективный период революционных потрясений». Более того, согласно мнению ряда

¹ Европейские наблюдатели не нашли конкуренции на российских выборах // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3651447> (дата обращения: 09.02.2020).

исследователей, в том числе и Колтона, через сто лет после большевистской революции российский переход к установлению институтов демократии, одними из которых являются прозрачные выборы, далек от завершения [18, с. 468]. Вместе с тем важно учитывать, что в стране все еще существует запрос на сильного лидера¹. Пока подобный запрос есть, все факторы, препятствующие институционализации выборов в России, с высокой вероятностью будут действовать, ведь, как отмечалось ранее, в авторитарных государствах люди голосуют скорее исходя из личных характеристик инкумбента, но никак не из принципов демократии [27, р. 70].

Суммируя все положения проведенного анализа избирательной системы Российской Федерации, можно выделить следующие факторы, которые могут препятствовать институционализации выборов и тем самым оказывать существенное влияние на становление выборной системы.

Во-первых, отрицательным образом на институционализацию выборов сказывается явление социального конформизма относительно избирательного процесса. Развитие данного конформирующего фактора происходит из-за исторических особенностей формирования выборной системы в России. В результате действия конформирующего фактора выборы рассматриваются скорее как способ борьбы между конкурирующими политическими акторами и партиями, но не в качестве демократического механизма по волеизъявлению интересов народа.

Во-вторых, относительно частое изменение законодательства, регулирующего выборы, также негативно сказывается на институционализации, особенно, когда эти преобразования не сопровождаются дополнительными мерами, которые направлены на донесение мотивов действий правительства до граждан.

В-третьих, манипулирование выборами в молодой демократии с определенными недемократическими характеристиками также не способствует институционализации. В частности, манипулирование возможно благодаря толерантности к фальсификациям и неравному доступу кандидатов и партий, со взглядами, отличающимися от тех, которых придерживаются правящие элиты.

В-четвертых, предрасположение к неформальным институтам в стране косвенным образом легитимизирует наличие «подрывных» институтов внутри формального института выборов, что и препятствует его развитию.

В-пятых, при режиме с авторитарными чертами на выборах электорат преимущественно голосует, основываясь на личные качества инкумбента, а не исходя из политических интересов или демократических принципов. Это, в свою очередь, повышает тенденции к абсентизму, укрепляет роль инкумбента, но снижает институциональный потенциал выборов.

Литература

1. Гельман В. Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 6–25.
2. Гельман В. Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. 2010. № 2 (57). С. 6–24.
3. Голосов Г. В. Честность выборов и явка избирателей в условиях авторитаризма // Политическая наука. 2019. № 1. С. 67–89.
4. Завадская М. А., Бедерсон В. Д. Кто и как оценивает выборы: особенности экспертного опроса качества региональных выборов 13 сентября 2015 года в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 3. С. 82–106.
5. Заостровцев А. П. XVIII Леонтьевские чтения: «Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы» // Экономическая политика. 2019. № 2. С. 178–191.
6. Иванова Е. Н. Избирательные системы на выборах в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации // Вестник МИЭП. 2017. № 2 (27). С. 9–16.

¹ Взлеты и падения рейтинга Путина // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/08/13/808697-vzglyad-snizu> (дата обращения: 09.02.2020).

7. *Иванова М. В.* Эффекты изменения избирательного законодательства и партийное представительство: региональные, национальные и бизнес-элиты // Политическая наука. 2015. № 1. С. 114–127.
8. *Майкова Э. Ю., Симонова В. В.* Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития // Власть. 2019. № 5. С. 19–27.
9. *Мамонов М. В., Гаврилов И. В., Вядро М. А.* Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения // Мониторинг. 2018. № 4 (146). С. 124–147.
10. *Петухов В. В.* Выборы в Государственную думу России на фоне институционального кризиса // Власть. 2016. № 7. С. 22–27.
11. *Росс К.* Российские выборы и электоральное сигнализирование // Политическая наука. 2017. № 4. С. 34–60.
12. *Туровский Р. Ф.* Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. 2018. № 2 (89). С. 23–50.
13. *Шамахов В. А., Балашов А. И.* Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12 (96). С. 6–15.
14. *Халил-Заде Ф. А.* Политические выборы как элемент демократии // Вестник РМАТ. 2016. № 4. С. 21–26.
15. *Bechtel M. M.* Not Always Second Order: Subnational Elections, National-Level Vote Intentions, and Volatility Spillovers in a Multilevel Electoral System (October 7, 2011). Electoral Studies. Vol. 31. N 1. P. 170–183.
16. *Bendor J., Diermeier D., Siegel D., Ting M. A.* Behavioral Theory of Elections. Princeton: Princeton University Press. 2011.
17. *Coleman S.* Russian Election Reform and the Effect of Social Conformity on Voting and the Party System: 2007 and 2008. Journal of the New Economic Association. New Economic Association. issue 5, 2010. P. 73–90.
18. *Colton T. J.* Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. Vol. 50. N 3. 2018. P. 455–473.
19. *Bækken H.* Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? Communist and Post-Communist Studies. N 48, Issue 1, 2015. P. 61–70.
20. *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda Perspectives on Politics 2. N 4. 2004. P. 725–740.
21. *Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. I.* The Russian 1996 presidential election: referendum on democracy or a personality contest? Electoral Studies. Vol. 17. Is. 2. 1998. P. 175–196.
22. *Norris P.* Do Institutions Matter? The Consequences of Electoral Reform for Political Participation. Rethinking the Vote. Oxford University Press, 2003.
23. *Pammett J. H., DeBardeleben J.* The meaning of elections in transitional democracies: Evidence from Russia and Ukraine, Electoral Studies. N 15. Is. 3. 1996. P. 363–381.
24. *Ross C.* Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? Palgrave Communication. 2018. N 4. Vol. 75. P. 1–19.
25. *Stoner K.* Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. 2018. Vol. 50. N 3. P. 295–303.
26. *Taagepera R., Shugart M. S.* Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven, 1989.
27. *Visser M.* Five theories of voting action: strategy and structure of psychological explanation. Enschede : Universiteit Twente, 1998.

Об авторе:

Шалашова Ольга Николаевна, председатель Территориальной избирательной комиссии № 3 (Санкт-Петербург, Российская Федерация); 9520530@mail.ru

References

1. Gelman V. J. Institution building and informal institutions in modern Russian politics // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2003. No. 4. P. 6–25. (In rus)
2. Gelman V. J. “Subversive” institutions and informal governance in modern Russia // Politiya [Politiya]. 2010. No. 2 (57). P. 6–24. (In rus)
3. Golosov G. V. Integrity of elections and voter turnout in conditions of authoritarianism // Political science [Politicheskaya nauka]. 2019. No. 1. P. 67–89. (In rus)
4. Zavadskaya M. A., Bederson V. D. Who and How Estimates Elections: Peculiarities of Expert

- Survey of the Quality of Regional Elections on September 13, 2015 in Russia // World of Russia. Sociology. Ethnology [Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya]. 2018. No. 3. P. 82–106. (In rus)
5. Zaostrovtshev A. P. XVIII Leontievsky readings: "Institutional economic theory: history, problems and prospects" // Economic policy [Ekonomicheskaya politika]. 2019. No. 2. P. 178–191. (In rus)
  6. Ivanova E. N. Electoral systems during elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation // Journal of the IIEL [Vestnik MIEP]. 2017. No. 2 (27). P. 9–16. (In rus)
  7. Ivanova M. V. Effects of changing electoral legislation and party representation: regional, national and business elites // Political science [Politicheskaya nauka]. 2015. No. 1. P. 114–127. (In rus)
  8. Maykova E. Y., Simonova V. V. Institute of Municipal Elections in Modern Russia: Problems and Prospects of Development // Power [Vlast']. 2019. No. 5. P. 19–27. (In rus)
  9. Mamonov M. V., Gavrilov I. V., Viadro M. A. Imitation characteristics of the 2018 presidential election and their impact on the next electoral cycle: the results of opinion polls // Monitoring [Monitoring]. 2018. No. 4 (146). P. 124–147. (In rus)
  10. Petukhov V. V. Elections to the State Duma of Russia against the background of institutional crisis // Power [Vlast']. 2016. No. 7. P. 22–27. (In rus)
  11. Ross K. Russian Elections and Electoral Signaling // Political Science [Politicheskaya nauka]. 2017. №4. P. 34–60. (In rus)
  12. Turovskiy R. F. Presidential elections in Russia: opportunities and limits of electoral consolidation // Politika [Politika]. 2018. No. 2 (89). P. 23–50. (In rus)
  13. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2016. No. 12(96). P. 6–15. (In rus)
  14. Khalil-Zade F. A. Political elections as an element of democracy // Journal of RIAT [Vestnik RMAT]. 2016. No. 4. P. 21–26. (In rus)
  15. Bechtel M. M. Not Always Second Order: Subnational Elections, National-Level Vote Intentions, and Volatility Spillovers in a Multilevel Electoral System (October 7, 2011). Electoral Studies. Vol. 31. N 1. P. 170–183.
  16. Bendor J., Diermeier D., Siegel D., Ting M. A. Behavioral Theory of Elections. Princeton: Princeton University Press. 2011.
  17. Coleman S. Russian Election Reform and the Effect of Social Conformity on Voting and the Party System: 2007 and 2008. Journal of the New Economic Association. New Economic Association. issue 5, 2010. P. 73–90.
  18. Colton T. J. Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. Vol. 50. N 3. 2018. P. 455–473.
  19. Bækken H. Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia? Communist and Post-Communist Studies. N 48, Issue 1, 2015. P. 61–70.
  20. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda Perspectives on Politics 2. N 4. 2004. P. 725–740.
  21. Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. I. The Russian 1996 presidential election: referendum on democracy or a personality contest? Electoral Studies. Vol. 17. Is. 2. 1998. P. 175–196.
  22. Norris P. Do Institutions Matter? The Consequences of Electoral Reform for Political Participation. Rethinking the Vote. Oxford University Press, 2003.
  23. Pammett J. H., DeBardeleben J. The meaning of elections in transitional democracies: Evidence from Russia and Ukraine, Electoral Studies. N 15. Is. 3. 1996. P. 363–381.
  24. Ross C. Regional elections in Russia: instruments of authoritarian legitimacy or instability? Palgrave Communication. 2018. N 4. Vol. 75. P. 1–19.
  25. Stoner K. Wither Russia? Twenty-Five Years After the Collapse of Communism Comparative Politics. 2018. Vol. 50. N 3. P. 295–303.
  26. Taagepera R., Shugart M. S. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven, 1989.
  27. Visser M. Five theories of voting action: strategy and structure of psychological explanation. Enschede : Universiteit Twente, 1998.

About the author:

Olga N. Shalashova, Chairman of the Territorial election commission № 3 (Saint-Petersburg, Russian Federation); 9520530@mail.ru